

Василий Кандинский, теоретический конструкт и проектная форма обучения

Обращение к базовым категориям осмысляемой предметности для понимания скрытых причин развития данной сферы бытия – общий ход для рефлексирующих исследователей что в науке, что в искусстве. Василий Кандинский, в поисках научного объяснения для живописи [1; 2], поместил ее исходный атом даже не в природу, но в сконструированную, искусственную, чуть ли не от геометрии идущую, внутренне-внешнюю реальность. В том смысле, что не природой (во всяком случае, не ею одной), но человеком с помощью искусства и природы сотворенным. Восхитительны его слова о сложной, этико-онтологической сути искусства: «Прекрасно то, что возникает из внутренней душевной необходимости. Прекрасно то, что прекрасно внутренне» [2, с. 105].

Традиционный, почти невыносимый страх познающего себя «несчастливого», по-гегелевски, сознания, вытекает из понимания исходной привнесенности в теоретический конструкт некоего знания, категориальной и социальной отягощенности, культурной перспективы и сиюминутной детерминированности. Сурова и беспощадна в своей правде внутренняя констатация: лист, отражающий послание автора – мысль, чувство, представление – не белый, не чистый, не впервые пишется, субъективное в нем зашумляет объективное, да и вообще – не удастся никогда начисто написать. Отсюда рождается понимание, что теоретический конструкт есть почти неизбежное зло, признание исследователя, что стараюсь, познаю, как могу, но вы, братцы, на меня сильно не обижайтесь, молчать и не вкладывать в конструкт своей субъективности не могу, а по-вашему, «объективно», стерильно чистенько и методологически безукоризненно у меня не получается! Иными словами, не бывает в жизни так, что на этом острове никого до Робинзона не было, и будто бы Робинзон – продукт социального эксперимента, сам себя взрастил, сам идеи приобрел, а что Пятница появился – так это просто побочная переменная, разрушающая ход чистого эксперимента. Однако Понятие, пусть в научном, учебном или художественном виде, берет свое и в причудливом синтезе объективного и субъективного, продираясь сквозь бэконовские идола, через осмысление и критику другими, через проверки практикой, утверждает зрелость или незрелость, эффективность и неэффективность той или иной мысли, творения и даже эмоции.

Проектная форма обучения (ПФО), о которой пойдет речь в нашем сборнике, является сложным синтезом уже известных и современных форм построения образования. Удивительная напрашивающаяся параллель, даже общность ПФО с рабочей моделью

искусства Кандинского заключена в том, что она тоже теоретический конструкт. За ней глубочайший образовательный опыт и мощная история проб и попыток выстроить обучение содержательно целостно, чтобы материал предмета вел к разворачиванию адекватных схем мышления, одновременно обеспечивал активность, мотивированность, самостоятельность развивающегося учащегося. Необходимость и возможность ПФО были выведены в полном смысле слова из противостояния, несколько искусственного, временного, ситуативного и скорее подчиненного человеческому измерению и типичному псевдоконфликту идей и поколений позднего периода советской власти в рамках общей психологической школы П.Я. Гальперина и В.В. Давыдова. Проектная форма активно обсуждалась нами на конференции, и мы пришли к простому выводу: обучение должно быть психологически квалифицированным, т.е. выстраиваемым не на формальных и внешних требованиях к учителю и ученику, но на основе глубокого понимания всех аспектов развития личности учащегося. А наилучшей техникой претворения этой работы является планомерно-поэтапное формирование.

Корни абстрактного искусства принято видеть в предельной отстраненности от действительности. Впрочем, эту же мыслительную ловушку мы встречаем в философском памфлете Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». На самом деле, абстрактность ни на секунду не есть *полная* или *примитивная* отвлеченность, но лишь первый шаг познания, вдохновенного пусть первичным, но уже настоящим видением теоретического конструкта, еще мелкой, но уже вдохновляющей идеи познания, как будто огонек внутри человека подсказывающей: «В этом что-то есть, иди в эту сторону, смотри, действительность в этом направлении открывается». И потому, в заключение, для всех нас – «абстракционистов поневоле» - еще один важнейший ориентир от В.В. Кандинского: «Живопись есть грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы и среди этой борьбы миров между собою создать новый мир, который зовется произведением» [2, с. 152]. Как бы ни хотелось нам представить идею, концепт или продукт мягким и пушистым, логичным и последовательным, доказуемым и проверяемым, тем не менее, он все равно пребывает в растворенном вокруг него квадрате отношений: в контексте, дискурсе, социальной и личностной атмосфере бытия. Как эти линии, фигуры и мелкие фрагменты прорисованного бытия на нашей обложке. А потому не содержание, но только его траектория движения может быть априори непредсказуемой, ибо она может быть *развитием*. Кандинский знал это точно.

Библиографический список:

1. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 240 с.
2. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Э, 2018. 160 с.

Данный номер посвящен 30-летию проектной формы обучения по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием (22 марта 2018 года) «Проектная форма обучения как психологически квалифицированное сопровождение развития личности». В конференции принимали участие создатели и последователи проектной формы обучения.

В.Б. Хозиев

Khoziev V.B. Vassily Kandinsky, a theoretical construct and the design form of education